

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.10
УДК 314:578
ББК Ю87

Ю.И. ЦЕВЕК
П.Т. ВЕРЕШ
М.Р. АРПЕНТЬЕВА

МИГРАЦИИ ОБСКИХ УГРОВ В СИБИРИ XVIII–XX ВЕКОВ

Рассматриваются миграционные процессы манси и хантов в Западной Сибири. Отмечается, что на современном этапе исторических исследований важно осуществить сравнительную реконструкцию культур сибирских угров, которая позволит увидеть сложную этнографическую и этническую картину миграций народов Зауралья XVIII–XX вв. и более ранних веков.

Ключевые слова: миграция, Россия, Сибирь, ханты, манси, венгры.

Yu.I. CEVEK
P.T. VERES
M.R. ARPENTIEVA

MIGRATION OF UGRI OF THE OB REGION IN SIBERIA XVIII–XX CENTURIES

The migration processes of the Mansi and the Khanty in Western Siberia are considered. It is noted that at the present stage of historical research it is important to carry out a comparative reconstruction of the cultures of Siberian Ugric peoples, which will make it possible to see the complex ethnographic and ethnic picture of the migrations of the peoples of Zauralye in the XVIII–XX and earlier centuries.

Keywords: migration, Russia, Siberia, Khanty, Mansi, Hungarians.

На современном этапе исторических исследований важно осуществить сравнительную реконструкцию культур сибирских угров, которая позволит увидеть сложную этнографическую и этническую картину миграций народов Зауралья XVIII–XX вв. и более ранних веков. Миграционные процессы манси и хантов в Западной Сибири — важная

проблема международных финно-угорских исследований. В финно-угроведении несомненно ключевое значение имеют архаичные языковые, этнографические, антропологические и генетические материалы обских угров Зауралья. По совету классика мирового сибироведения Б.О. Долгих [1], мы сопоставляли языковые данные (работ Б. Мункачи) о географии мансийских диалектов (и внутри них говоров) в XVIII–XIX вв. [3] с данными о границах уездов (и волостей) податной системы царской администрации Западной Сибири XVIII в., а также с данными о территории так называемых вогульских «княжеств», фигурирующих в русских исторических источниках в XVI–XVIII вв. В результате осуществленного нами сравнительного картографирования перечисленных социальных, лингвистических, а также административных феноменов проявляется ряд интересных совпадений, а также более целостная и насыщенная и динамичная этнографическая картина Зауралья XVIII–XX вв. В Западной Сибири территория так называемого «княжества» Конда совпадала с волостями Большая Конда, Леуши Пелымского уезда и волостью Юконда [5]. Она также совпадала с границами распространения восточного (или кондинского) диалекта мансийского языка [3]. Внутри этого большего диалекта существуют верхне-, средне-, ниже-кондийские мелкие говоры [3], названные так соответственно вышеназванным волостям в бассейне реки Конда [5]. По-видимому, «Пелымское княжество», давшее свое название всему пелымскому «государству», нельзя отождествлять только с восемью малыми пелымскими волостями: Низ-Тавдинской, Тахтанской, Верх-Пелымской, Воринской, Сосьвинской, Лиственичной, Подгорной, Вагильским озером [1]. Наиболее гомогенной в языковом отношении западный (пелымский) диалект распространился намного шире этих административных областей, вплоть до европейских склонов Урала. Он включал в себя и северную часть Верхотурского уезда, некоторые волости: Вишера, Подгорная на реках Ляле, Косьва, Сосьва, Лозьва [1]. Кроме диалектных данных, политическая и идеологическая руководящая роль пелымцев среди остальных групп манси также предполагает большую численность их группы в Пелымском «государстве». Их намного больше, чем могло быть немногочисленное население этих малых пелымских волостей. Южная группа манси в XVII в. в административном отношении принадлежавшая Верхотурскому и Пелымскому (Табары) уездам, расселилась от бассейна реки Тавда на востоке до реки Ирень на западе [1]. Это население говорило именно на южном диалекте мансийского языка, который ближе всего к венгерскому языку. Этот диалект довольно рано был раздроблен в бассейнах рек на следующие отдельные, мелкие говоры: кунгурский, тагильский, верхотурский, чусовский, тавдийский. Последний говор сохранился дольше всех. Б. Мункачи еще успел собрать ценный архаичный языковой материал по этому говору во время своей экспедиции в 1888 г. [3]. Но осталь-

ные южные манси к этому времени уже ассимилировались с сибирскими татарами [2]. Крупные мансийские диалекты в XVIII–XIX вв. в основном территориально совпадают с вогульскими «княжествами» XVI в., выступавшими как специфические социальные объединения. По-видимому, эти объединения ранее были племенами с отдельными диалектами, самостоятельными культовыми центрами, своей племенной аристократией и вождями. Но позже сохранились они как этнографические и диалектные группы. Таким образом, так называемое Пелымское «государство» было более крупным социальным объединением, чем пелымское «княжество». Оно было союзом трех бывших племен, куда входили манси восточного (кондийского), западного (пелымского) и южного (тавдийского) диалектов [13]. Интересен также следующий лингвистический факт: в XVIII в. все эти (три) вышеперечисленные мансийских диалекта, были более гомогенными. Иными словами, они первоначально не были существенно раздроблены внутри диалекта, как это случилось позднее, на отдельные мелкие говоры. Этот момент отметил Я. Гуя, профессор Геттингенского университета. Однако, в последние два столетия у названных групп манси в этом отношении произошли большие языковые дробление. Так, на землях бывшего пелымского «государства» внутри каждой диалектно-этнографической группы границы волостей (в подавляющем большинстве расположенных в бассейне рек) теперь соответствуют мелким говорам XVIII–XIX вв. Можно предположить, что эти небольшие по территории волости и их подразделения — сотни и юрты — объединяли, если не отдельные роды, как утверждал свое время Б.О. Долгих [1], то хотя бы какие-то локальные «генеалогические группы» [2]. Однако, похоже под влиянием аккультурации, которая больше всего ощущалась именно на юге и западе (вследствие ослабления фратриальной и родовой экзогамии), происходило формирование более или менее эндогамных малых групп (возможно, даже соседских общин). Таким образом, по данному вопросу нами было высказано следующее предположение: параллельно с ослаблением и позднейшим распадом дуальной общественной структуры, а также племенной организации в целом, у разных диалектных групп манси со временем уменьшилось быстрое языковая единство. Таким образом, диалектная нивелировка оказалась сильно разрушенной или полностью исчезла. Вследствие этой все более расширяющейся языковой дифференциация все чаще проявлялись мелкие локальные говоры, возникающие внутри отдельных, больших диалектов мансийского языка вплоть до момента, когда в конце XIX в. каждое мансийское поселение имело свой «язык», т.е. собственный говор. Однако этот процесс был поздним явлением в истории обских угров. Дробление большого диалекта на мелкие говоры может быть связано с тем, что раньше в каждой мансийской деревне строго соблюдалась фратриальная экзогамия: тут могли жить исключительно

только близкие родственники. Мужчинам за невестой нужно было ездить на далекие расстояния. Это строгое экзогамное правило фратрий в прошлом автоматически обеспечивало диалектное равновесие или языковую однородность, т.е. единство данного диалекта. Позже, когда широкая фратриальная экзогамия постепенно ослабла, ее заменила родовая экзогамия. Так возникла соседская община, в которой появились уже и чужие люди, а поселения стали замкнутыми и эндогамными. Таким образом уже на уровне отдельных поселений (деревень) возникли изолированные говоры: браки можно было заключать даже с соседями.

Однако, в этом отношении, в отличие от выше перечисленных южных, восточных, западных манси, совершенно другая картина наблюдается у северных манси. Северные манси жили географически сравнительно изолированно. Поэтому их классическая экзогамная дуальная фратриальная система под названием «пор» и «мось» сохранялась у них весьма долго, почти до XX в. Это обстоятельство несомненно в большой мере способствовало сохранению и их диалектного единства или языковой гомогенности. В XVIII в. по-видимому еще не выделились внутри гомогенного северного диалекта малые локальные говоры, появившиеся позже, в XIX–XX вв. Нынешние отдельные верхне-лозьвинский, верхне-, средне- и нижне-сосьвинские говоры, а также обский и ляпинский говоры возникли недавно внутри до того времени единого северного диалекта. Наше предположение в связи с этим заключается в следующем. Параллельно с распадом традиционной дуальной фратриальной системы «мось» и «пор» у северных манси, численность которых составляла около 5 тыс. человек (по терминологии генетики: *дем*), с постепенным исчезновением их фратриальной экзогамии сформировались отдельные локальные говоры внутри северного диалекта. Эти мелкие говоры северного диалекта возникли сравнительно недавно. Особенно обращает на себя внимание наличие тотемических брачных классов «пор» и «мось» у северных манси и полное отсутствие этих фратриальных названий у других диалектных групп этой же народности. Как ни странно, в это же время дуальная фратриальная система также под названием «пор» и «мось» существовала у соседнего народа — хантов. На эту проблему зарубежные финно-угроведы до сих пор почему-то не обратили должного внимания. Хотя, как нам кажется, все перечисленное указывает на исключительное своеобразие происхождения этнографической и диалектной группы северных манси в бассейне рек Северной Сосьвы и Лозьвы. Тем более, что не только их социальная структура, но и те черты культуры, которые отличают северных манси от более южных сородичей, в большинстве случаев как раз сильно сближают сосьвинских и ляпинских манси с соседями, т.е. с северными хантами. Во многих отношениях эти черты даже идентичны. По-нашему мнению, несмотря на то, что ханты и манси проживают рядом, в сходных экологических условиях, все сходства между ними не нужно и нельзя объяс-

нять лишь культурной конвергенцией и заимствованиями или диффузией. Можно предположить, в какой-то мере, даже существовавшую ранее единую этническую, генетическую, основу. Это подтверждается главным образом сходной фонетической системой языков северных манси и северных хантов, которая могла возникнуть только во время этнического смешения или под субстратным влиянием. Помимо этого, общими являются носившие тотемический характер тамги (по Ю.Б. Симченко [8], культ «За народом смотрящего человека» (*Мир-сусне-хум*). Но прежде всего интересны остатки хантыйской и мансийской топонимики или названия фамилий у северных манси и хантов, которые также указывают на общую или единую генетическую, вернее языковую или этническую основу северных хантов и северных манси. Не говоря уже о том, что шаманские песни северных манси изобилуют хантыйскими словами и выражениями, не понятными даже самому исполнителю. Все это известно со слов Е.И. Ромбандеевой, одной из ведущих российских лингвистов с мировым именем. Вероятно, в ходе больших этнических передвижений в Западной Сибири около XVIII в., связанных с экологическими причинами (как и у оленеводов ненцев в тундре), некоторые группы манси переместились с юга на север и появились в бассейне рек Сосьвы и Лозьвы, принадлежавшего уже с Усть-полуйского времени (V–II вв. до н.э. или еще раньше) хантыйскому этносу, и смешались с местными аборигенами. Неслучайно, по мнению Я. Гюя, северный диалект манси, и их говоры имеет несомненно хантыйскую фонетическую структуру. Пришельцы с юга (или запада) манси в языковом отношении в значительной мере, ассимилировали местное хантыйское население, но сохранили свой этноним — манси, который имеет общую этимологию с фратриальным названием хантов «мось», в восточном диалекте «монтъ», и этимологически тесно связан с первой части самоназвания венгров — *мадьяр*, обозначающим «говорящий человек». Таким образом, мощное влияние местного хантыйского этнического субстрата до сих пор в большой мере отражается в культуре северных манси, в их хозяйственном укладе, фонетической системе их диалекта, а также в существовании дуальной общественной организации «пор» и «мось», которые они заимствовали несомненно у хантыйского этнического субстрата. Фратриальные названия «пор» и «мось» никогда не существовали у южных и западных или восточных групп манси. Они появились даже у северных манси сравнительно недавно под влиянием местного хантыйского этноса [4–7].

Таким образом, миграции обских угров оказали существенное влияние на формирование и трансформирование языков и культур Урала и Зауралья, а также иных регионов. Дробление большого диалекта на мелкие говоры вероятно было связано с тем, что в древней мансийской деревне соблюдалась фратриальная экзогамия: тут могли жить исключительно лишь близкие родственники. Когда широкая фратриальная

экзогамия постепенно ослабла, ее заменила родовая экзогамия и соседская община, в которой появились и чужие люди, а поселения стали замкнутыми и эндогамными.

Список использованной литературы и источников

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих // Труды ИЭ АН СССР, Новая серия. — 1960. — Т. LV. — 220 с.
2. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века / З. П. Соколова. — М. : Российская АН, 2009. — 756 с.
3. Munkácsi B. Nyelvészeti tanulmányutam a vogulok földjén // Budapesti Szemle, 1889. — С. 206–238.
4. Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien / P. Veres // Specimina Sibirica. — Pécs : Egyetemi Nyomda, 1988. — P. 78–97.
5. Veres P. Finno-Ugric Ancient Homeland and Ethnogenesis of the Hungarian / P. Veres // Acta Ethnographica. — 1989. — Vol. 33. — P. 245–258.
6. Veres P. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány Kiadó / P. Veres // Ómúltunk Tára. — No 5. — Budapest, 2009. — P. 195.
7. Veres P. The Question of the Finno-Ugrian Ancient Homeland and the Ethnogenesis of the Hungarians in the Light of Newest Palynological Data / P. Veres // Studia Hungarica CUFU 6. Syktyivkar-Budapest, 1985. — P. 4–18.

Информация об авторах

Цевек Юдит Илона — кандидат филологических наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Академии наук Венгрии, Будапешт, Венгрия; e-mail: czovekjudit@gmail.com

Вереш Петер Тибор — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт комплексных исследований гуманитарных наук Академии наук Венгрии; профессор кафедры финно-угристики, Будапештский университет, Будапешт, Венгрия; e-mail: p.veresh@gmail.com

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии естествознания (IANH), ведущий научный сотрудник Гуманитарного института североведения, Югорский государственный университет, 628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; e-mail: mariam_rav@mail.ru

Authors

Judit Ilona Cevék — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Ethnology and Folklore of the Hungarian Academy of Sciences. Budapest, Hungary; e-mail: czovekjudit@gmail.com

Peter Tibor Veres — Grand PdD in History, Professor, Leading Scientist at the Institute of Complex Studies of Humanities of the Academy of Sciences of Hungary, Professor of the Department of Finno-Ugric Studies at the University of Budapest, Budapest, Hungary; e-mail: p.veresh@gmail.com

Mariam R. Arpentieva — Grand PdD in Psychology, Associate Professor, Academician of the International Academy of Natural Sciences (IANH), Leading Researcher at the Humanitarian Institute of North Studies, Ugra State University, 16 Chekhov St., 628012, Khanty-Mansiysk, Russia; e-mail: mariam_rav@mail.ru